

Интервью, взятое **Ма Йога Судой** 17 декабря 1978 года у **Вивек**, близкой подруги Ошо.

Суда: у меня такое ощущение, что это интервью является слишком драгоценным, чтобы быть напечатанным. Мне хочется защитить цветок любви, подобно которому я никогда ничего не встречала. Вивек сделала нам дар. Я потрясена, восхищена и так рада этому! Я почувствовала, когда она говорила и ее кристальные серо-голубые глаза сияли, неожиданную перспективу вечности любви. Это было немного похоже на то, что я чувствовала, когда умер мой отец. Это было очень застенчиво.

Вивек дышит Ошо, так что вы найдете его очень присутствующим здесь. На данный момент она уже санньясинка на протяжении семи лет, и ее работой в ашраме является забота об Ошо – готовка, лекарства, послания, его библиотека, и т.д. она является одной из двух человек, у которых есть прямой доступ к Ошо в любое время (второй человек – это Ма Йога Лакшми).

Отношения Мастер/ученик здесь очень духовно близкие. Нам дается только в соответствии с нашей спо-

собностью получать.

Это интервью произошло во время чаепития, которое являлось послеобеденным ритуалом, на кухне, где готовят еду Ошо. Ма Йога Аста резала овощи, Ма Ананд Ниргун чистила бобы, а Вивек и я сидели на полу, пили чай, когда началось интервью... (Вивек /Кристина Вулф/ - позднее известна как Ма Прем Нирвано)

Суда: Ты не могла бы рассказать историю, как ты пришла к Ошо?

Вивек: ммм, как я пришла... это было в 1971 году. Фактически все это началось в 1970 году, когда я жила в Европе, во Франкфурте. Однажды в наш дом вошел индус, которого никто не знал, он не был чьим-то другом, он просто вошел в дом. Мы все подумали, что он чей-то друг, а другие подумали, что он наш друг или еще кого-то и т.д. и т.п.

Он остановился на одну ночь, и на следующее утро, когда мы все собрались на завтрак, мы все сказали друг другу: «А кто это, собственно?» (Вивек смеется над этой смешной ситуацией) и никто из нас не знал, кто это был. Но он был таким милым и так хорошо вписывался в дом, что мы все решили, что он может остаться. Мы спросили его, как он пришел и он сказал, что он шел по улице, проходил мимо нашего дома, и ему просто захотелось войти, поэтому он и вошел.

Он прожил с нами пару месяцев, и потом однажды решил, что возвращается домой, назад в Индию. И когда он сказал это, неожиданно у меня появилось ощущение, без всякой на то причины, просто ощущение, что я поеду с ним. Когда я сказала об этом, все были просто ошарашены, потому что я была таким типом человека, у которого есть постоянная работа, и у меня была своя собственная квартира и... ну, я была очень правильной. Поэтому когда они услышали, что я собралась в Индию...

Суда: Уехать с незнакомцем!

Вивек: фактически, к тому времени он уже не был таким уж и незнакомым. Он был достаточно милым. И потом, когда уже пришло время мне уезжать, люди до последнего мне не верили. Я собрала все вещи и запаковала их в чемоданы, продала квартиру, бросила работу и, тем не менее, никто не верил мне, что я собиралась уехать. И потом пришел

день, когда нас увезли в аэропорт, и... я не знала почему, это было просто ощущение, что мне нужно поехать с ним.

И я не знала, что я буду там делать. Я думала, что самое большее, что я сделаю, это съезжу в Гималаи, посмотрю горы, но с другой стороны, у меня не было ни малейшей идеи. А потом, когда я приехала в Бомбей... (задумчиво) ... когда я приехала в Бомбей, я все еще не знала. У меня было ощущение, что я развернусь и уеду назад. И первое, что я увидела в Бомбее, это крыса! Огромная крыса, которая сидела прямо у наших ног! Это было действительно потрясающе, первая крыса, которую я когда-либо увидела.

Суда: первая крыса, которую ты когда-либо увидела! Боже!

Вивек: Да! Первый раз за всю жизнь! Потом мы взяли рикшу и поехали через Санта Круз в Бомбей, а ты знаешь, как пахнет в Санта Крузе – бррр! И я продолжала думать: «Что я здесь делаю?» Я не знала, что я делала! Я не знала, почему я приехала, и, конечно, это было не из-за Рави – так звали индийского паренька – и это вообще было не для того, чтобы приехать в Индию. Я пребывала в изумлении все путешествие, с того момента, как решила поехать, до того момента, фактически, как я встретила Ошо. Я была в изумлении, полном изумлении, я ходила по Бомбею в полном изумлении.

Я остановилась в доме родителей Рави, и однажды днем все куда-то разошлись по своим делам. Неожиданно кто-то постучал в дверь, и на пороге стоял австралиец, западный человек! Я сказала: «Входи, входи!» (смеется, вспоминая то облегчение, которая она тогда почувствовала). Мне он сразу понравился. И тем вечером он сказал: «Давай сходим на лекцию Ачарья Раджниша». Я ответила нет, я не хочу идти ни на какую лекцию. Он сказал: «Просто пойдем». Эта была лекция на хинди, тысячи и тысячи индусов. Я сказала: «Нет, я не хочу идти». Но в любом случае, я пошла. Я не знаю почему, я просто пошла.

Мы немного опоздали, Ошо уже был там, он сидел на сцене, скрестив ноги по-турецки, его тело было завернуто в шаль. Он говорил на хинди, я находилась позади него. Там были тысячи индусов! Это было на открытом воздухе, на Кросс Мандане, рядом с Черчгейт. И сзади Ошо смотрелся как маленькое пятнышко. Мы подходили ближе, ближе...

Суда: О, я не могу выносить этого!

Вивек: (продолжает, смеясь) Я подошла ближе, села и улетела! Это было оно, это просто было оно.

Майкл, австралиец, подтолкнул меня локтем, он, очевидно, хотел уйти, ему было достаточно. А я сказала: «НЕТ! Нет, я не могу уйти, я должна остаться». И так мы остались до конца лекции. А после этого я была в еще большем изумлении, потому что это было совершенно незнакомо мне... это состояние... существа. Я не знаю, это было совершенно незнакомым.

Я была полностью захвачена. Я не знала, что происходит или кем был этот человек. А потом мы пошли домой. Следующим вечером он сказал: «Будет медитационный кемп в Маунт Абу. Ты хочешь поехать?» И сначала я сказала: «О нет! Я не могу медитировать. Они меня просто выкинут оттуда». А он сказал: «Нет, это не так». Он сказал: «Любой может прийти, любой может прийти». Так что мы поехали туда и видели, как эти люди медитируют, как они делают динамическую медитацию.

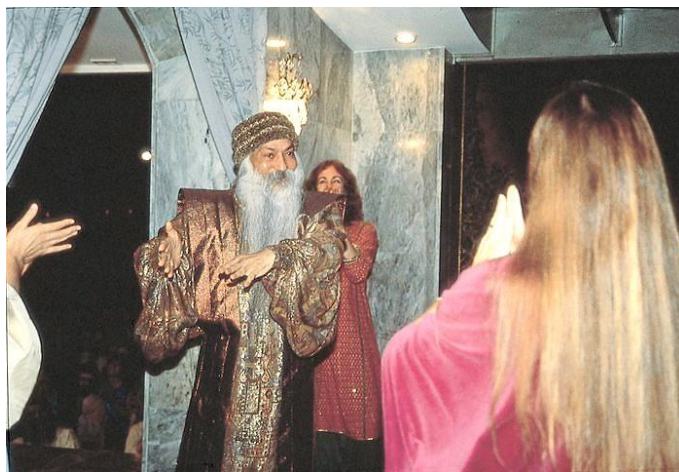
Суда: а ты делала динамику?

Вивек: я увидела, как эти люди делают динамику и спряталась в кустах. Два дня я пряталась в кустах! Я не знала, что происходит с этими людьми – они занимались этим глубоким дыханием и катарсировали и кричали хуу и прыгали на месте и смеялись и плакали и кричали и раздевались догола! Я толком не знала, что собственно происходит.

И потом одна бооооольшая женщина подошла ко мне – ты знаешь ее, это была Тару – и сказала: «Ачарья видит, что ты ничего не делаешь!» (смеюсь и скручиваюсь, изображая испуг). Оооо! И я выпалила, "Но я не могу делать дыхание, я действительно стопорюсь на дыхании, я не могу делать дыхание..." Она сказала: (очень авторитарным голосом), «Ачарья хочет видеть тебя в три тридцать». («Ачарья» означает «учитель». Так называли Ошо до того, как стало приезжать очень много учеников и до того, как он начал инициировать людей в санньясу. Позднее его стали называть «Бхагван»; «Бхагван» означает «Благословенный»).

(Все присутствующие на кухне в единстве: О, ооо...)

Вивек: я была немного напугана, но в то же время возбуждена. Так что я пошла к дому, где остановился Ошо, и одна индуска, которую я не знаю, сказала мне подождать несколько минут. Я подошла к двери и встала в дверном проеме, а Ошо сидел, скрестив ноги, на нем была надета только лунги, и он говорил с индусом. И во время своего разговора с индусом он посмотрел на меня, в то время как я стояла в двери, и мои колени подкосились (хихикает), они просто согнулись, и индус, который стоял сзади, поддержал меня. Мне кажется, что я, должно быть, начала терять сознание.

Потом я вошла, и Ошо сказал: «У тебя проблемы с медитациями?» И я посмотрела на него... я смотрела из окна в небо. Я не ответила на его вопрос. Я не могла. Я хотела, но не могла. Я просто смотрела на небо... несколько минут. Я не знаю, что случилось, но я думаю, что я улетела на несколько минут, потому что я не могу вспомнить, что случилось в эти несколько минут.

Должно быть, я вернулась из... я не знаю... чего-то. Он рассказал мне, как делать медитации. Он рассказал мне что-то еще, чего я не помню. Вот и все.

В другой день, вечером, когда мы делали Ху (Тратак), Ошо был на сцене, и что-то случилось тем вечером. Я еще не была санньясинкой. После этой медитации, когда Ошо выходил и садился в машину, он позвал меня, потому что я стояла в сторонке, а все столпились и шумели вокруг него. Он позвал меня, обнял за плечо и сказал: «Ты будешь жить со мной. Приезжай в Бомбей, и ты будешь жить со мной». И это было впервые, когда он сказал что-то типа этого. И когда он сказал это, он обнял меня за плечо, и я просто положила свою голову ему на грудь. Было такое ощущение... было такое ощущение, что это было продолжением чего-то, что я забыла... оно просто вернулось назад.

И той ночью я не могла уснуть. Я просто сидела на балконе, и я знала, что «Да, конечно» Дааа...! Потом я начала расслабляться в медитации и в кемп. На следующий день ко мне подошел одна западная женщина, когда мы делали свободное выражение, которое обычно

проходило после обеда. Она сказала: «Ты знаешь (голосом, полного предостережения), Ачарья присматривает за тобой.» (хихикает) Она сказала мне подойти и сесть ближе, так что я села ближе, всего в пару метрах от того места, где сидел он. И со мной случилась еще одна вещь – я просто начала плакать, без всякой причины. Ты знаешь, когда ты просто начинаешь плакать и плакать и просто не можешь остановиться?

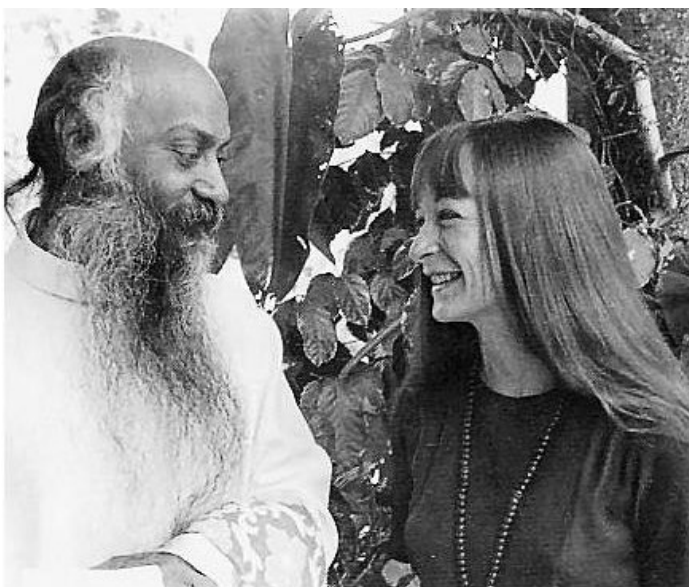
Суда: это так мило.

Вивек: и ты даже не знаешь, почему ты плачешь! Ты просто сидишь и плачешь, и плачешь. И просто слезы катятся, и из носа течет (показывает, какое это ощущение, когда у тебя из носа течет в присутствии Ошо) и слюни текут (ее смех звенит на всю кухню). Рядом со мной сидел мужчина, и рядом с ним на полу лежал носовой платок, и мне так хотелось взять этот платок! Я одним глазом все время косилась на этот платок. Но я не могла пошевелить телом, чтобы взять этот платок, я не могла пошевелить рукой. И я смотрела на себя! Я была как будто на каком-то расстоянии и смотрела на себя, я хотела взять этот платок и не могла, я просто таааааак плакала.

Суда: у тебя до этого уже был такой опыт?

Вивек: Никогда, никогда. Все это было совершенно новым для меня. Тот кемп был просто взрыв за взрывом, взрыв за взрывом, каждый день что-то происходило. Я не знала, что происходит, но я просто позволяла этому происходить – все было таким красивым, я позволяла всему входить. И после того опыта, в частности когда я просто плакала и плакала, просто видела свой ум и свое тело, после медитации я просто там сидела. Там были холмы, горы. Одна девушка подошла ко мне и спросила, что случилось... это было... (в этот момент Вивек потеряла дар речи) это было совершенно за пределами чего-либо, о чем я читала или что я чувствовала. Так что вот так я начала. Потом я вернулась в Бомбей и приняла санньясу.

Суда: в тот момент, ты уже сознательно помнила что-нибудь о том, что ты уже была с Ошо раньше?

Вивек: нет, не помнила о том, что была с Ошо. Через несколько дней после того, как я приняла санньясу, он давал лекции на английском в своей комнате, в своей спальне. Там было так мало людей, может быть, тридцать человек. Мы все собрались в комнате, и неожиданно у меня случилось... там было так много людей и все говорили, говорили, говорили. Я просто сидела на кровати. Что-то кликнуло! (Вивек показывает руками то, что выглядит как будто бы что-то перевернулось у нее в животе). Произошло шууп, шуууш и неожиданно пошло внутрь.

И это было... вууш (здесь мы все засмеялись, я комментирую «переворот» который только что случился и в моем животе). И затем я пережила опыт одной прошлой жизни, она не была с Ошо. Я ничего не знала о прошлых жизнях.

Суда: тебе было интересно узнать, что происходит?

Вивек: я ничего не знала о прошлых жизнях или реинкарнациях или вообще о чем бы то ни было! Я думала по-христиански – у вас есть только одна жизнь, ваша единственная жизнь и это все.

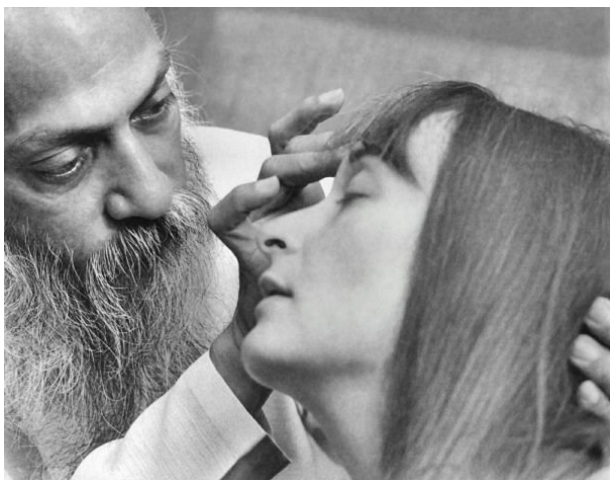
Так что когда это случилось, я вернулась назад к этой... жизни 1971 года...

(Суда: я начинаю чувствовать своего рода дезориентацию во времени, просто слушая, как говорит Вивек. Из-за этого опыта она, очевидно, имеет другое восприятие времени и пространства. Я могу чувствовать это, когда она говорит).

Вивек продолжает: я не знала, схожу ли я с ума или у меня галлюцинации. Но другая часть моего ума знала, что то, что случилось, было очень реальным, это было чем-то очень настоящим, что только что случилось. И я совершенно улетела – я не была в той жизни, и не была в этой жизни (она смеется, рассмешенная этим опытом) и вообще нигде. Это было подобно тому, что я была на планете Плутон.

И потом пришло время идти на лекцию. Я сидела у двери и почувствовала, что это происходит снова. Это произошло клик, вуууп! И мне кажется, что я потеряла сознание, и кто-то вынес меня из комнаты. Все, что я помню, это то, что я снова оказалась в комнате. И в конце лекции Ошо позвонил Лакшми по интеркому, и я вошла. Он спросил меня, что происходит, что случилось. Конечно, он знал, он просто хотел, чтобы я это сказала.

Одной из первых вещей, которую сказал мне Ошо после принятия санньясы, было вот что: «Ты помнишь меня? Ты что-нибудь помнишь обо мне?» (мы все истерично хихикаем к этому моменту, с возгласами «О Боже!» и «Я не могу выносить это!») И когда он сказал это, у меня снова произошел клик. Это происходит как клик! Это происходит - «клик», вот так. Буквально все переворачивается с ног на голову. И единственное, что выскочило у меня изо рта, было: «Я помню, что ты тот, кого я очень сильно любила». Тогда я не помнила точно, кем именно я была. Единственная вещь, которая приходила, это то, что он был кем-то, кого я очень сильно любила. И для меня сказать это впервые! В то время я все еще была достаточно правильной.

Время, когда это случилось, пришло... (спрашивает Асту, "Когда мы приехали в Пуну? В '73?")...после того, как Ошо говорил со мной. Он меня снова спросил, смогла ли я вспомнить. У меня не было ничего ясного. И той ночью я лежала в кровати и вернулась моя смерть, когда я умерла, и дом, и мой отец. Моя мама уже умерла. Она была той еще штучкой! Она убежала в Пакистан с другим мужчиной, она влюбилась в него. Я не уверена, она ушла из семьи до того, как я умерла или после (Вивек снова смеется над этой абсурдностью) или же она ушла после того, как я умерла. Мне кажется, она ушла до того, как ушла я. Потом пришло ощущение

моей смерти. Никого не было дома, все сидели на веранде или в саду. Но Ошо был в комнате, я была просто с ним.

Суда: ты наслаждалась ею, смертью? Ты помнишь, чтобы ты боялась или же ты проскользнула через нее? (в этот момент я объясню, что Вивек фактически ссылается на Ошо в его нынешнем теле. В то время ему было около семнадцати лет, он был на два года старше Вивек или Шаши, когда она умерла).

Вивек: в то время я боролась. Ошо сказал, что я также боролась, потому что я просто хо-

тела быть с ним, и я не хотела покидать его. Это было, ммм...

(Повисла глубокая, длинная тишина, которая длилась около тридцати секунд, целую вечность. Вивек спрятала лицо за своими длинными волосами. Она плакала. Я оглянулась, ища поддержки, рука Асты слегка дрожала по мере того, как она продолжала нарезать овощи, Ниргун держала в руках боб и уставилась в пространство. Любовь изливалась на пол подобно меду.)

В любом случае, я вернулась! (говорит через слезы). Прямо перед смертью, я заставила его пообещать мне, что он позовет меня назад, что где бы я ни была, он вернет меня назад, и я заставила его пообещать мне (стеснительно улыбается) что он... не увлечется другой женщиной, что он не женится! Этого я не помню, это то, что он мне сказал.

Суда: (задумчиво) Он сдержал свое обещание.

Вивек: (все еще через слезы, смешанные с радостью, теперь смеясь) Да. Я помню, что дом, в котором мы жили, находился прямо рядом с храмом, в котором Ошо медитировал каждый день. Так я его и увидела – он часто ходил в храм, а я обычно видела его, когда была в саду или выглядывала из окна. Я обычно видела его! Он говорит, что я обычно шла за ним в храм (озорно подмигивая), чтобы докучать ему!

Суда: и соблазнять его!

Вивек: я его не соблазняла. Я просто докучала ему. Этот храм расположен прямо на вершине утеса, и прямо внизу течет река.

Суда: а где это было?

Вивек: в Гадарваре. Где родился Ошо. Это река, о которой Ошо часто рассказывает на своих лекциях, куда он обычно ходил плавать. Несколько раз я ходила плавать с ним. Но обычно он просто хотел остаться наедине с собой. В то время я была девчонкой-сорванцом, и Ошо говорит, что ему обычно приходилось просить одного своего друга – его звали Шьям – охранять дверь в храм, "так чтобы Шаши не входила и не беспокоила меня больше!" (Шаши – так тогда звали Вивек) И я обычно приносила ему еду – чапати и дал.

Суда: в храм?

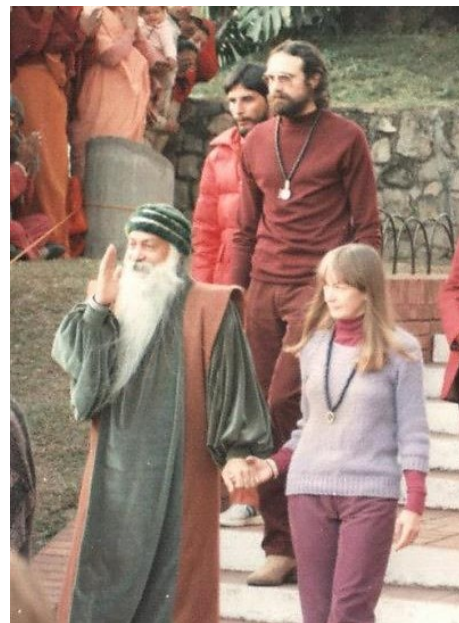
Вивек: Да. Так, чтобы после медитации он мог поесть.

Суда: и как в конце концов получилось, что ты стала жить с ним?

Вивек: ну, когда он сказал это в Маунт Абу, он снова говорил это много, много раз. «Ты будешь жить со мной». А я просто продолжала говорить: «Когда, когда, когда?» (смеясь над своим разочарованием). А он говорил: «Время не подходящее». А потом однажды он сказал: «Теперь приходи». Я сказала: «Сейчас?» он сказал: «Да!». Вот так просто. И сначала я не поверила ему, потому что я уже ждала два года.

Суда: так долго?

Вивек: Да. Я начала жить с ним в одном доме и заботиться о нем своего рода все время, ты знаешь, делая все для него, до '73. Мы переехали в Пуну в '74, значит это случилось в '73, когда я начала полностью присматривать за ним и въехала в его дом. охх!

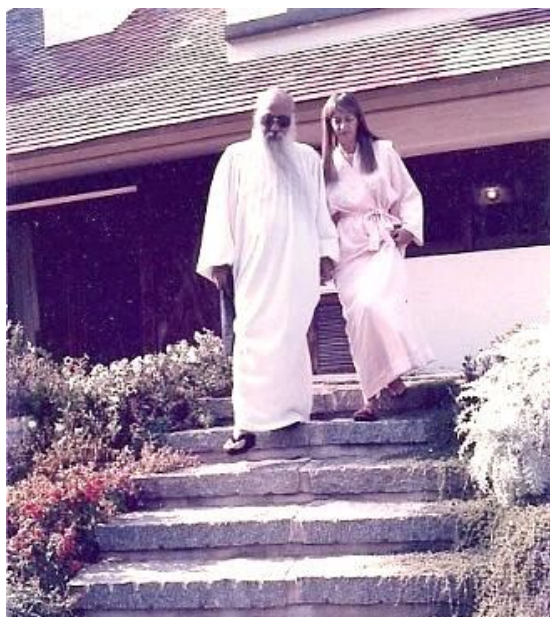

Шли дни, и я осознала, что он действительно имел это ввиду, и потом, когда мы переехали в Пуну, это каким-то образом кристаллизовалось.

Суда: таким образом, вся твоя работа и вся твоя медитация заключалась в том, чтобы ухаживать за ним? Твое целое все!

Вивек: Да, да. Заботиться о его теле. Каким-то образом я могу видеть, что оно нуждается в большом уходе. В другом смысле оно не нуждается в особом уходе, нужно просто течь с ним. Я научилась тому, что это гораздо лучше, чем доводить себя до истощения переживаниями о теле Ошо, что я раньше делала. Я обычно впадала в такую депрессию, когда он заболел, но теперь я научилась принимать то, что происходит с его телом и в то же самое время делать самое лучшее, что я вообще могу сделать. Это действительно помогает его телу, если я не печалюсь по поводу его болезни.

Так что теперь я смотрю на ситуацию и просто делаю все, что я могу, чтобы помочь ему. Когда он заболевает, ты не можешь сказать: «Хорошо, что у него там? Дай ему это лекарство или то». Нужно смотреть на то, что у него происходит, смотреть в его глаза, в его лицо. И потом ты своего рода видишь: «Ага, возможно, это подойдет». Но ты не можешь сказать этого потому, что у него вот это и доктора говорят дать ему то, и ты ему это просто даешь. Так что нужно чувствовать. Раньше, в первые несколько лет, он был... он не был... он был не очень... он был не очень помогающим каким-то способом в том смысле что...

Суда: он не помогал тебе заботиться о нем?

Вивек: Нет! Когда он заболел, он не говорил, что не очень себя хорошо чувствует, а теперь он делает это. Теперь он тоже помогает. Он говорит, ну, вот это происходит и вот то происходит – «Возможно, если ты дашь мне вон то лекарство, это поможет». А раньше он никогда даже не говорил, что заболел! И самое худшее, это когда у него были приступы, приступы астмы. Очевидно, когда это уже случилось, я могла сказать. Но теперь он говорит, когда чувствует, что это приближается, и это прекрасно – ты просто даешь ему таблетку. Она не останавливает приступ, но облегчает самую тяжелую его часть, удушье, и ту часть, которая не дает ему дышать. Так что теперь он прекрасен – он говорит, когда он

чувствует, что что-то приближается, а раньше он никогда даже не говорил, когда это уже фактически происходило. Я должна была просто чувствовать это.

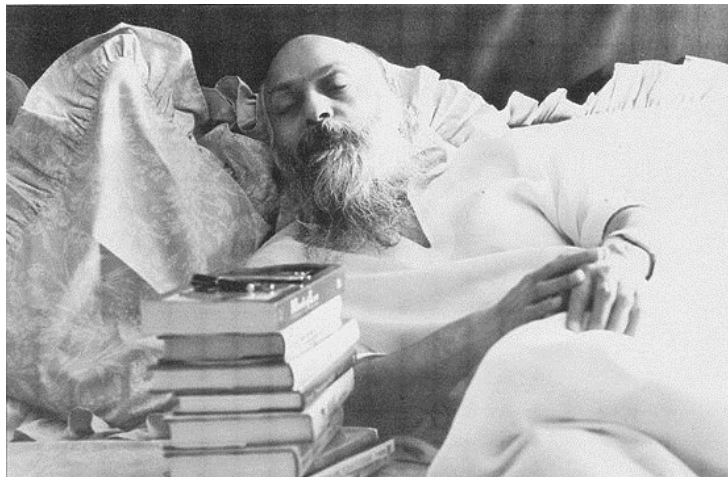
Суда: у тебя были когда-нибудь вспышки сопротивления или моменты чего-то грубого? Каково это быть так постоянно близко к его энергии?

Вивек: поначалу были, но не теперь. Теперь все течет просто чудесно. До того, как я жила с ним – очевидно, именно поэтому он ждал – это было как если бы я была... я была... я была противной девчонкой! Да, я действительно такой была. Я не знаю, было ли это сопротивлением, но я проходила через какие-то вещи, безусловно, как и любой другой. В начале это было, я не знаю что – просто обычные тяжелые времена. Сейчас все просто потрясающе, несерьезно, со смехом и легко.

(длинная пауза, и неожиданно Вивек начинает говорить...) Я расскажу тебе о самой луч-

шей части! (Мы все смеемся – ты имеешь ввиду что это могло бы быть лучше?)

Самая красивая часть – которая даже сейчас, каждый день, когда я вижу ее, она становится все более и более красивой – это видеть, как Ошо спит. Когда он идет спать после обеда, я иду за ним, и когда я захожу в его комнату, он уже спит. Если мне повезет, то его лицо повернуто ко мне, и... это для меня является вершиной того, чтобы быть с ним – быть с ним, когда он спит.

Это как если бы он был здесь и его здесь не было, он подобен новорожденному ребенку, подобен младенцу, и в то же самое время, он подобен мудрому старому человеку, который жил много жизней и прошел через всевозможные ситуации и опыты, просто через все, и все же совершенно незадетый этим. Он подобен новорожденному младенцу, он также подобен очень древнему, мудрому старцу. Это как... каким-то образом... пустота, которая там лежит, и в то же самое время, наполненность. Ощущение та-

кое, что его там нет, и каким-то образом тело просто дышит, каким-то образом. Я вижу, как одеяло поднимается и опускается и думаю: «А, он все еще дышит», а потом я вижу, как он переворачивается на другой бок и думаю: «А, он все еще может двигаться».

Суда: я почувствовала, наблюдая за ним на лекции, что как будто бы ты видишь мертвеца, но он все еще движется, это все еще происходит.

Вивек: Да. У меня есть такое ощущение, что его там нет и каким-то образом его тело еще здесь. Когда смотришь на него, все равно появляется ощущение, что он полон жизненных сил в то же самое время! Когда я смотрю на него, у меня появляется ощущение, что как его тело умудряется все еще быть здесь?! Как он дышит?! Как его сердце все еще качает кровь?! И затем ты видишь, что в то же самое время он полон жизни. И он светится, просто всецело светится, и его лицо – это просто ауры и ауры и ауры золота. Он просто выглядит как золото и золото и золото! (делает жесты руками все больше и больше, наполняя всю кухню его золотом).

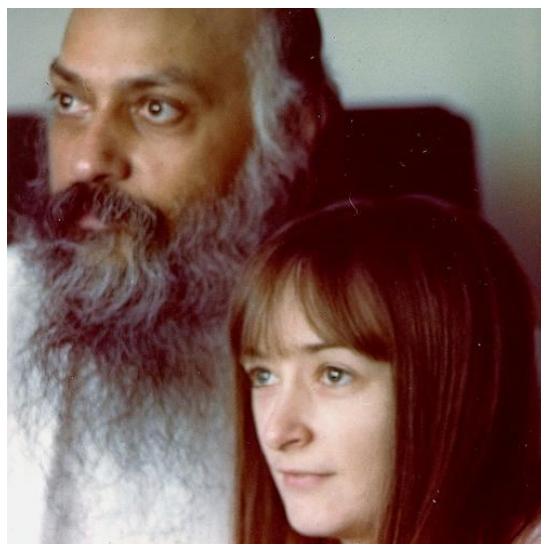
Для меня это является вершиной того, чтобы быть с ним, и быть здесь – лежать рядом с ним и быть способным чувствовать... и видеть... это происходит со мной в послеобеденное время, потому что по ночам все темно, ты не можешь видеть. И когда я лежу там, он похож на большую котомку с пухом! Я просто чувствую себя очень защищающей, я каким-то хочу защитить его и закутать его в одеяло (хихикает). Он спит полностью укрытый, особенно зимой, за исключением макушки головы и лба, и его лицо виднеется.

Иногда я делаю медитацию, не столько медитацию, но это происходит. Когда я ложусь спать и Ошо рядом, у меня также появляется очень сильное чувство покидания тела. Мне каким-то образом легко ощущать это чувство парения, улетания, и затем погружаться в сон в этом пространстве.

Суда: он сейчас когда-либо затрудняет процесс заботы о нем? Я слышала историю о том, как ты однажды заперла его в своей комнате, потому что он был болен и все же хотел дать нам лекцию.

Вивек: Да! О да, да. Это было примерно в то время, фактически, когда ситуация с его здоровьем начала меняться. Как еще я могу сказать это? Это было в то время, когда он мне все еще не говорил, когда он заболел и не говорил мне, когда он хотел принять лекарство. Да, он кашлял, он кашлял всю ночь, у него была такая сильная простуда, и он хотел пойти на лекцию. И я вообще не могла понять, как он бы мог говорить в таком состоянии. Это было просто потрясающе. И я сказала: «Ты знаешь, если ты пойдешь и будешь разговаривать в таком состоянии, тогда ты только усугубишь ситуацию».

Но он просто настаивал! (действительно смешно, в конце концов, она ученик, а он Мастер). Представь! Я поняла, что мне необходимо что-то с этим сделать. Это также было кульминационным моментом за все те годы, когда он мне не говорил о том, что чувствовал себя не очень хорошо. И, и... да, я заперла его в комнате. И сказала Лакшми: «Лакшми, Ошо не будет выходить». Я не знаю, знала ли она о том, что это я ее заперла или нет, но через несколько дней все об этом знали. Все меня спрашивали: «Ты действительно заперла его в комнате?» Возможно, я потом сказала Лакшми о том, что заперла его, но я не могу этого вспомнить. Я просто знала, что настанет момент сказать последнее твердое слово, и вышло так, что этот момент как раз настал.

После этого он действительно стал сотрудничать, и действительно, с того момента его здоровье стало гораздо, гораздо лучше. Случился разворот, действительно случился разворот. Все так изменилось к настоящему моменту... (в сторону Асте: Ты бы не могла поставить греться воду для чая?) Что я говорила? О да, теперь он говорит мне, если он не чувствует себя очень хорошо и что нужно отменить лекцию. То же самое касательно даршанов – два или три раза я предлагала, но в другие разы он сам говорит: «Возможно, я не пойду на лекцию» Что чудесно, замечательно. Я могу лучше о нем заботиться. И на мой взгляд, так гораздо лучше.

Суда: (в этот момент я смотрю на Вивек в восхищении – никаких трюков, никаких проблем, никакой «работы»). Итак, ты не беспокоишься о просветлении или о чем-то подобном?

Вивек: Я!? (мы все смеемся и все необъяснимо рады).

Судха изучала психологию в Колумбийском университете и прошла обучение по проведению группы Инкаунтер и Биоэнергетической Терапии в Америке и в Англии. Она приняла санньясу в 1973 г. и стала одной из первых Ошо-терапевтов. Она сама и в сотрудничестве с другими создала и начала проводить некоторые из самых примечательных групп, которые предлагались в Пуне. Среди них Искусство Умирать, Тренинг Ошо-терапевтов, Процесс Анти-Фишер-Хоффман и всеми любимый Интенсив по Тантре. Она была основателем и бывшим директором одного из факультетов в Мультиверситете в Пуне, Института Любви и Сознания, и была директором Школы Ошо по Тантре. Судха покинула тело 9 июля 2008 г. в Вероне, Италия. источник: <http://www.oshonews.com> перевод: Nooranie

ОШО О ВИВЕК

Вивек уже вторую жизнь подряд любит меня. Если вы спросите ее, почему она меня любит - то ответа не дождетесь. Она может заплакать, засмеяться или начать танцевать. Но она не объяснит вам причину, потому что причины попросту нет.

Любовь - это не количественное измерение, нельзя любить очень или не очень. Несколько дней назад вышла моя новая книга, первый экземпляр я всегда отдаю Вивек. Я написал: "С любовью для Вивек".

- А почему не с горячей любовью? - спросила она. Это невозможно, - объяснил я. Я могу просто любить. Любовь - это любовь. В ней нет логики, горячего или холодного.

Ничто не может вызвать просветление. Вы заснули, а я кричу. Иногда мне действительно приходится кричать. На днях Вивек сказала мне: "Сегодня утром ты так громко кричал, меня всю трясло, мои нервы на пределе." Отлично, мне придется еще покричать, со временем вы уже не сможете избежать пробуждения.

Вивек так близка мне, что она постоянно все равно, что висит на кресте. Иначе и быть не может, ей приходится туго. Быть рядом со мной нелегко. И чем ближе вы ко мне, тем сильнее вам приходится преображать себя. Чем ближе вы ко мне, тем больше на вас ответственности. Чем яснее вы ощущаете свою недостойность, тем лучше чувствуете, как вам стать достойнее, а цель кажется почти недостижимой. Рост не всегда приятен, он бывает болезненным.

Вы спрашиваете меня: "Что ты делаешь с Вивек?"

Я медленно убиваю ее. Только так она сможет обрести новое бытие, переродиться. Если вы со мной, вы все равно как висите на кресте, это нелегко.

Иисус был распят на кресте. Итак, Вивек выполняет домашнюю работу, вот и все. Я постоянно даю ей задания. Разумеется, ей нужно делать больше уроков, чем вам.

Спросите Вивек, как она себя чувствует. Несколько дней назад она сказала: "Ты хуже Гурджиева". Для меня это прекрасный комплимент. Гурджиев очень жестоко вел себя с учениками, а Вивек утверждает, что я хуже его. Но я понимаю ее. Я действительно жестоко веду себя с учениками, чем ближе вы ко мне, тем труднее вам.

Гудия (Вивек) знает, что я говорю во сне, только она не знает с кем. Бедная Гудия! Я говорю с ней, а она беспокоится и думает, почему я говорю и с кем. Она беспокоится о том, сплю ли я на самом деле.

Вы должны знать об этом: каждый день я слушаю песни Нуриханы, знаменитой певицы урду. Ежедневно перед тем, как прийти читать лекцию, я слушаю ее песню. Она может свести с ума. Я знаю, что это такое, я пою эту песню Гудие (Вивек) ежедневно. Ей приходится слушать, она не может этого избежать.

В песнях, которые ей приходится слушать каждый день, и которые она будет слушать каждый день, поется: "Ты - самая красивая женщина во всем мире! Я не знаю, узнаешь ли ты меня или нет. Наверное, ты не помнишь этого, но я помню. Я не могу забыть об этом, те слова, которые ты прошептала мне. Ты говорила мне часто, что твоя любовь бесконечна. Помнишь ли ты еще об этом? Наверное, нет, но я помню, не полностью конечно, время сделало свое дело. Я полуразрушенный дворец, но если ты посмотришь внимательно, ты

увидишь, что я тот же. Я все еще помню твои слова, твою любовь. Это доверие, которое когда-то было между нами, помнишь ли ты о нем до сих пор? Я не знаю, как ты, но я все равно помню."

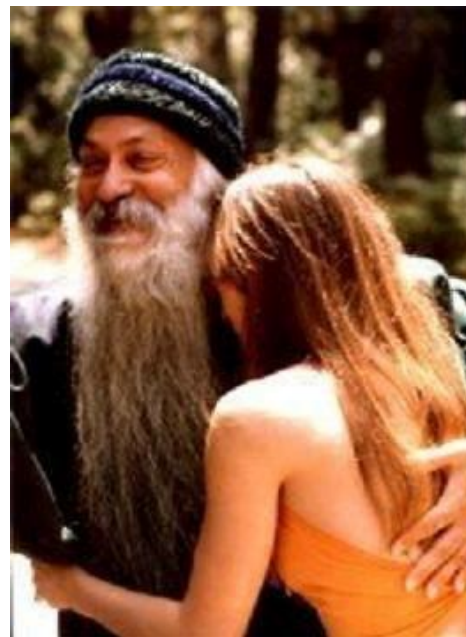
Почему я все время пою песню Нуриханы? Это своего рода сверление. Это не сверление зубов, но это повторение красоты и этот язык прекрасен.

Я никогда не благодарил Вивек за всякие мелочи. Ее служение мне выше слов. Бесполезно благодарить ее, слова благодарности никогда не могут быть настолько глубокими, чтобы быть истинными. Последние несколько месяцев были очень сложными, мне было очень сложно оставаться в теле. Многие годы она прекрасно служила мне, она была моей тенью, делала тысячи вещей.

Еще до того, как я просил ее об этом, она уже знала, что мне нужно. Как же я смогу отблагодарить ее? Это невозможно. Английское слово благодарность настолько далекое...

Гудия иногда раздражалась, но мне это не мешало. Она не могла иначе, это было просто невозможно для нее. Просто каждый может прийти в раздражение, особенно женщина, особенно если ей приходится находиться с каким-то человеком двадцать четыре часа в сутки, или даже больше, с таким человеком, как я, таким нехорошим, таким тяжелым, который постоянно пытается сделать замечание, который не позволяет вам вернуться домой, который постоянно говорит вам: "Прыгай, перед тем, как думать!"

Ошо " Мгновения вечности "

УХОД ВИВЕК

Книга «Алмазные дни с Ошо. Новая алмазная сутра» - это история молодой женщины, образованной, выросшей в Англии, которая стала санньясинкой Ошо, и прожила рядом с ним, в его доме, более десяти лет.

Смерть Нирвано была внезапной, неожиданной и повергла меня в состояние шока. У меня было чувство, что ушла часть меня, и я чувствовала настоятельную необходимость теперь жить более полно. Ее смерть подарила мне подарок безотлагательности. Если бы Ошо мог сделать кого-нибудь просветленным, если бы он мог сделать это для кого-то, тогда он сделал бы это для нее. Но мы должны пройти Путь в одиночку, он мог только указать дорогу. Так что многое, что говорил Ошо, я воспринимала как поэзию, я не понимала, что он дает нам Истину.

Однажды, примерно лет десять назад, Нирвано и я сидели у ног Ошо. Мы обе были в медитации в его комнате. Он сидел в своем кресле, а мы обе сидели на полу примерно час. В течение первых нескольких минут я переживала взрыв, я потерялась на мгновение в цветах и свете. Через несколько мгновений Ошо сказал: "О-кей, теперь возвращайтесь". У него была улыбка на лице, и он сказал, что это было гораздо больше, чем он ожидал, и что теперь мы (Нирвано и я) "близнецы, энергетические близнецы".

Нирвано и я жили вместе очень интенсивно двенадцать лет; иногда мы любили друг друга, время от времени мы были "игривыми врагами", как Ошо однажды сказал про это "люди, которые не могут находиться в одной и той же комнате вместе".

Это была очень сильная связь. Ближе всего к ней я чувствовала себя в Бомбее, в конце мирового турне. Комната Ошо для стирки была также ее спальней, а температура на улице была выше 50 градусов. Мы были прямо друг над другом, и хотя ситуация была очень трудной из-за пространства, между нами была любовь, которую я нежно лелеяла. В своей английской манере она была всегда немножко холодна с людьми, но когда вы находитесь в той же самой комнате целый день вместе, это отбрасывается. Мне нравилось укладывать ее волосы, собирать их на верх головы заколками, хотя они всегда падали вниз, они были слишком шелковистые и тяжелые.

Последние восемнадцать месяцев Нирвано работала с Джаешем и Читтеном и уезжала в Бомбей каждую неделю на пару дней. Она говорила мне, что ей очень нравится работа, что она очень интенсивная и волнующая. Иногда она приходила на вечернюю медитацию, и любой выглядел бледным по сравнению с ее празднованием, а иногда она вообще не приходила.

Последний раз, когда я видела ее живой, она уходила из Будда Холла, а я сидела около выхода. Мы посмотрели друг на друга и улыбнулись. Это было мое маленькое прощание.

Когда она умерла, я не чувствовала, что осталось что-то, что бы я хотела сказать ей. На самом деле каждый из ее друзей чувствовал завершенность относительно нее.

Она жила тотально, и я уже научилась тому, что я должна быть осознанной с каждым, кого я знаю, чтобы ничто не оставалось несказанным. Я не хочу вести себя с другом бессознательно, потому что на самом деле его можно никогда больше не увидеть, и то, что остается невысказанным, оставляет дыру, рану, которую невозможно излечить.

В жизни Нирвано была величайшей тайной для меня, то, как она жила, то, какой она была. В какой-то момент она была ребенком, невинным, а в следующий момент матерью Кали, размахивающей саблей. И ее смерть была так же таинственна, как ее жизнь. Я не знаю, почему она умерла. Я знаю, что она была отчаянно несчастна и говорила о желании уме-

реть с тех пор, как я познакомилась с ней. Но я всегда думала, что произойдет "щелчок", произойдет изменение, и однажды она неожиданно будет просветленной.

Я думаю, что она была близка к просветлению, очень близка. Она была мудрой женщиной, и она была соностроена с Ошо как никто другой. Много раз, когда он был болен, она интуитивно знала, в чем было дело, и он много раз говорил, с какой любовью она заботилась о нем. У нее была ясность и острота, незаурядное восприятие и понимание людей, особенно их отрицательных черт. И все же ее как маятником бросало в депрессию, настолько переполняющую ее, что она была полностью беспомощной и делала невозможным ни для кого, помочь ей. Она закрывала дверь и страдала в одиночку. Когда она была ребенком, ее родители клали ее в Швейцарии в госпиталь, потому что она отказывалась есть. Последние несколько лет у нее был гормональный и химический дисбаланс, и она принимала лекарства от этого. Ничего не помогало. Ранее, в 1989, она была в психиатрической больнице в Англии для лечения, но оставалась там не больше двух дней. Она сказала, что доктора были более безумны, чем она, и это заставило ее осознать, что она может преодолеть свою депрессию сама.

Последние несколько месяцев я не видела ее, потому что всегда, когда я приходила к ней, она просила меня прийти попозже, а попозже она не отвечала на стук в дверь. Так что я поняла, что она не хочет видеть меня. Для меня было лучше оставаться в стороне от нее, потому что я очень легко подхватывала ее настроение несчастья. В последние несколько раз, когда я все-таки была у нее, она говорила мне о беспокойстве и огромной боли, которую она чувствовала в своей "харе" или в нижней части живота. Много лет она просыпалась каждое утро с чувством тошноты в желудке. Поговорив с ней об этом, в точности на следующее утро я просыпалась с такой же болью в желудке. Я открывала свои глаза, и первое, что выплывало у меня, было: "О нет! Неужели еще один день!" Я воспринимала ее раны как мои собственные.

Последний раз, когда я пришла к ней, мы просто сплетничали для удовольствия. Я раздирала на кусочки своего друга, потому что он был с другой женщиной, и сказала несколько злобных вещей о нем, заставив его выглядеть немного глупо перед женщинами. Потом я думала про себя, что это не было по-настоящему честно говорить так о ком-нибудь. В конце концов, я в действительности не знала его ситуацию, и мне было очень неприятно. Я видела Нирвано утром и сказала ей, пожалуйста, забудь, что я говорила, у меня нет никакого права говорить плохо о ком-то, когда я на самом деле не знаю, что происходит с ним. Она сказала мне:

"О, ради бога. Просто небольшие сплетни между женщинами. В этом нет вреда. Иначе ты будешь ходить полупросветленной. А ты не можешь быть полупросветленной здесь.

Ты можешь быть либо полностью просветленной, либо полностью непросветленной".

Я подумала, черт побери, это блестяще сказать что-то вроде этого. Для меня она была мудрой женщиной. Когда я закрываю мои глаза, чтобы вспомнить ее, я могу представить ее только смеющейся. Когда она была счастлива, она была самым экзотичным и живым человеком, которого я когда-либо встречала. В Будда Холле, когда я последний раз сидела рядом с ней во время медитации с Ошо, в период молчания я слышала звук, который выходил у нее изнутри. Я узнала этот звук, он был таким же, какой издавала я, когда я чув-

ствовала себя очень удовлетворенной, очень центрированной и мне было тепло внутри. Я слышала, как она издавала этот звук. Так что у меня было некоторое понимание того пространства, в котором она была.

Именно поэтому, когда всего через неделю она умерла, я была в шоке, потому что для меня, зная это пространство, было невозможно представить себе, что я могу достичь таких глубин депрессии. Хотя ей было знакомо то же самое медитативное чувство, ее депрессия была такой сильной, она настолько захватила власть над ней, что ей ничего не могло помочь.

Я знала, что Ошо пробовал все, что возможно. Он дал ей все, что она хотела. Он хотел, чтобы она осталась здесь, но она была также свободна, идти куда угодно в мире, куда ей хотелось. Много раз она уезжала в Англию; она оставалась там один или два дня, и потом возвращалась. В начале того года она поехала в Австралию, чтобы начать новую жизнь, но через пару дней вернулась. Испания, Швейцария, Таиланд, она посетила много мест, но через несколько дней она возвращалась. Я думаю, что если бы она смогла остаться до того, как Ошо покинул свое тело, это было бы "щелчком", поворотной точкой для нее. Он сказал, что она умерла не вовремя.

Тело Нирвано принесли той ночью к месту, где сжигали покойников около реки; по просьбе Ошо присутствовало только несколько ее друзей. Раньше я видела открытое пространство этого места, переполненное саньясинами, а теперь нас было всего около сорока, торжественно стоящих и ждущих машину скорой помощи, которая должна была привезти ее тело. Я приветствовала ее наместе, когда ее положили на погребальный костер.

Моя подруга Амийо, увидев ее тело, сказала: "Это тело не Нирвано - она ушла".

Тело поместили на погребальный костер в центре места для сжигания и покрыли поленьями. Когда костер запылал, я двигалась вокруг него и обнаружила, что я стою справа от Нирвано.

"Странно", - думала я, - "Нирвано - это первое тело, которое я вижу, как его сжигают. Она - моя самая близкая встреча со смертью".

Поленья были так сложены или таким образом сдвинулись, что образовалось "окно", через которое я могла видеть ее лицо как чистую белую маску, плывущую и растворяющуюся в бледном дыме. Ее губы распухли и были темно-красные, в танце языков пламени они как будто бы шептали: "Нирвано".

Я посмотрела на луну, она была в фазе роста, даже не полная. Медленно я двинулась назад от огня и потеряла сознание. Когда я открыла глаза, я не знала, где я нахожусь, и думала, что, может быть, я умерла. Позже в ту ночь я думала:

"Она могла бы гордиться мной - потерять сознание на ее похоронах". Это была такая драматическая вещь, которая произошла бы с ней, а обо мне она всегда говорила, что я слишком вялая.

Я никогда на самом деле не знала, но мне казалось, я просто чувствую, как сильно он любил ее. Между ними была магия, которая никогда не нарушалась с его стороны ее настроениями и темпераментом. Всегда, когда она возвращалась из путешествия, которое, предполагалось, изменит ситуацию к лучшему, ее возвращение приветствовалось безо всяких вопросов.

Когда она вернулась из Австралии, через три дня, в то время, как она уехала "начать новую жизнь", она сказала мне: "Посмотрим, что мой сумасшедший ум придумает в следующий раз".

Хотя у меня не было переживания прошлых жизней, у меня всегда было впечатление, что их взаимоотношения были древними. На дискурсе в 1978 он сказал, что она была его подругой в своей последней жизни (всего сорок лет назад), и что она умерла в возрасте семнадцати лет от брюшного тифа и обещала, что вернется и будет заботиться о нем.

Я слышала, как Ошо говорил о том, чтобы никогда не судить человека по его делам, по его действиям, по тому, что он сделал. С Нирвано это было настолько ясно видно; с одной стороны, она была прекрасной "душой", или энергией, а с другой стороны очень трудным человеком. Ошо сказал, что она никогда не медитировала и что она всегда нарушала его работу.

Он сказал, что она всегда делала трудным для любого человека, каким бы он ни был, выполнение работы его секретаря. Может быть, ей не хватало понимания, чем была работа Ошо? У него были тысячи учеников, и он работал с каждым. Это факт, который может быть доказан наблюдением людей, которые были открыты к изменениям, которые происходили благодаря медитационным техникам Ошо.

Нелегко понять, что такое безусловная любовь. Любовь, которая не требует ничего взамен, так редка в мире, где мы знаем только любовь, которая включает в себя обладание и доминирование. Сострадание и любовь Ошо были неизменными и всегда были доступны для Нирвано. Он был любовью, и его любовь ждала, чтобы ее приняли.

Иногда она не могла принять, но это справедливо для нас всех. Так много всегда остается непостижимым, остается тайной.

... Ошо оставил после себя наследство, которое несравнимо со всеми алмазами во вселенной. Он оставил после себя свою работу в своих людях. Он помог тысячам людей сделать гигантский шаг вперед в эволюции человечества. Мы, может быть, не полностью осознаем, но мы поняли, что смерть не существует. Величайшее табу, величайшая тайна и величайший страх для человеческих существ сегодня — это Смерть, и наш мастер провел нас сквозь это, и мы оказались на другой стороне. Смерть случается только с телом, и это было моим собственным переживанием. Тайна смерти, небес, жизни после смерти, реинкарнации — это тайны, которые теперь открыты. Последний раз, когда я встречалась глазами с Ошо без всякого страха в себе — у меня был страх, потому что я видела, что Ошо исчезает — последний раз я действительно встретила его в ночь, когда умерла Нирвано. Нирвано умерла как раз перед тем, как мы пошли на нашу медитацию в Будда Холл в семь часов вечера. В ту ночь я ждала машины Ошо, которая подъехала к Будда Холлу, и я открыла для него дверь. Нас было шесть человек, которые делали это по-очереди, и случилось так, что была моя очередь. Когда он вышел из машины, он бросил на меня проникающий взгляд, зная, что я знаю. Я могу только предполагать, что он хотел увидеть, как мне с этим.

Я помню, я взглянула на него в ответ и внутри говорила: "Да, Ошо", — и я думала, что у меня только небольшое понимание боли, которую он, должно быть, чувствовал, и я не могла по-настоящему знать — но у меня было какое-то понимание — просто как сильно он любил ее.

"О ревности и обусловленности"

Алмаз - это самая твердая субстанция в мире, и некоторые из моих самых трудных дней с Ошо были, когда он пытался разбить мое бессознательные женские обусловленности. Возраст этих обусловленностей измеряется столетиями; они такие глубокие, что очень трудно не ассоциироваться с ними и видеть, что это не я. Вы должны понять, что под "столетними обусловленностями" я имею в виду то, что мой женский ум запрограммирован моей матерью, а ее - ее матерью и так далее. И еще вам потребуется если не принять, то по крайней мере поиграть с идеей, что наши умы не "новые". Наши умы - это собрания умственных стереотипов, которые прошли сквозь века.

Никто никогда не давал женщинам так много возможностей раскрыть себя как индивидуальности и быть свободными от рабства, как Ошо. Вокруг Ошо всегда было матриархальное общество. Мне нравилось слышать все восхваления женщин в дискурсах Ошо на протяжении многих лет, и я слышала, как мужчины-санньясины жаловались, что они родились не того пола в этой жизни. Но в начале 1988 года Ошо уделил внимание другой стороне женщин. Видимо, мы получили так много сострадания, потому что мы нуждались в нем.

Через женские обусловленности труднее пройти, так как мы позволяли, чтобы с нами обращались как с рабынями, и глубоко внутри женщина по-прежнему обладает менталитетом рабыни. В ответе на вопрос Маниши, когда она спрашивала об учениках, с которыми обращаются как-то особенно, он ответил: ...это не вопрос, Маниша, что специальное обращение означает "переезд в Лао-Цзы (дом Ошо) и ежедневные личные беседы с мастером". Если ты осознаешь, что ты спрашиваешь... ты видишь ревность? Ты видишь свою женщину?"

Он продолжал объяснять, что люди приходят увидеть его, только если это связано с их работой. Что не каждый человек в коммуне может делать ту же самую работу.

Кто-то должен приготавливать его еду, кто-то должен делать заметки и выполнять работу секретаря. Он объяснил, почему Анандо подходит к своей работе, а у Маниши есть ее работа. Он продолжал: "Первая коммуна разрушилась из-за женской ревности. Они постоянно ссорились. Вторая коммуна была разрушена из-за женской ревности. И это третья коммуна и последняя, потому что я начинаю уставать. Иногда я думаю, что может быть Будда был прав, что он не разрешал ни одной женщины в своей коммуне в течение двадцати лет. Я не за него: я первый, кто позволил мужчинам и женщинам иметь ту же самую, одинаковую возможность для просветления. Но я обжег свои пальцы дважды, и это всегда была ревность женщин. И все же я упрямый человек. После двух коммун, когда огромные усилия были потрачены зря, я начал третью коммуну, но я не создал никакого отличия - женщины по-прежнему руководят ею. Я хочу, чтобы женщины здесь, в коммуне, не вели себя как женщины. Но маленькие ревности..."

("Хаякуджо: Эверест Дзен")

Я также была в шоке однажды вечером, сидя на дискурсе, когда Ошо сказал:

"...Как раз сегодня утром Девагит работал с моим зубом. Первый раз за все годы, когда я встал с зубоврачебного кресла, я спросил его: "Ты удовлетворен?"... потому что я видел его неудовлетворенность, он не смог сделать ту работу, которую он хотел, с моим зубом. Вечером я сказал, чтобы он закончил ее, потому что кто знает о завтра? Может быть, меня не будет здесь, тогда пломбирование моего зуба будет абсолютно абсурдным. Он сделал все, что мог, но я мастер, который учит каждого присутствию в каждый момент.

И даже люди, которые близки ко мне, продолжают спрашивать меня: "Ты любишь меня, Бхагван?" Я не могу по-другому. Это не вопрос ваших качеств, моя любовь безусловна. Но я вижу бедность человеческого сердца. Оно продолжает спрашивать: "Я нужен?" И если вы не свободны от желания быть нужным, вы никогда не узнаете свободу, вы никогда не узнаете любовь, и вы никогда не узнаете истину. Из-за этой истории я должен сооб-

цить вам: Четана работает очень много, постоянно, заботясь, чтобы мне во всем было хорошо, но она продолжает спрашивать: "Ты любишь меня?" Я сижу в зубо врачебном кресле, мне только что дали максимальную дозу обезболивающего, и она спрашивает: "Ты любишь меня?" И поскольку я обещал своему дантисту: "Я не буду говорить...", но это невозможно. Поскольку я не сказал: "Я люблю тебя", она была так обеспокоена, что забыла положить полотенце в мою ванную комнату. Мне пришлось принимать ванну без полотенца. Позже, когда я спросил ее, она сказала: "Извини меня". Но это не только ее ситуация. Это ситуация почти каждого. А все мое учение заключается в том, что вы должны иметь уважение к самому себе. Это унижение достоинства, когда вы просите это, и особенно мастера, чья любовь уже дана вам. Зачем быть нищим? Мои усилия здесь в том, чтобы сделать из вас императоров. В тот день, в тот момент, когда вы поймете потрясающее великолепие присутствовать в настоящем, ничего больше не нужно. Вас достаточно. Из этого возникает огромная радость: "Ага! Мой бог! Я был здесь, а искал везде в других местах".

Я сознательно не требовала: "Любишь ли ты меня?" - но Мастер работает и с бессознательным. Он поднимает бессознательные желания на поверхность, потому что если их однажды увидеть и понять, они больше не влияют на человека. Этот инцидент был результатом серии стоматологических сессий, в которых Ошо работал с моим бессознательным, а Девагит работал над его зубами.

В то время как Девагит вертелся вокруг рта Ошо с наставленными стоматологическими инструментами, Ошо затоплял нас потоком слов. На типичной сессии были Амрито, Девагит, Нитти, Анандо, сидящая на стуле справа от Ошо, где она делала заметки, и я, сидящая слева от него рядом с Нитти. Ошо иногда вынимал руки из-под одеяла, которым он был прикрыт, и ударял Нитти или Ашу, которые иногда ассистировали Девагиту. Или он держал одну из их рук, и тогда им было очень трудно работать. Иногда он отрывал пуговицы на одежде Анандо или постукивал по ее горлу или по сердечной чакре. Это было очень интересно, за исключением того, что я теряла свое чувство юмора во время этих сессий. Монолог шел примерно такой:

Ошо: "Я могу слышать твои мысли... Четана, это не то... Четана, будь свидетелем..."

Где моя Анандо (держа руку Анандо)... На ее месте должна быть Четана. Это не ее рука... Я не хочу вмешиваться ни в чью свободу... Четана, ты принуждаешь меня говорить. Я знаю тебя больше, чем ты знаешь себя. Отбрось потребность, чтобы тебя желали. Я могу видеть разницу в ваших руках (он держит мою руку)... Четана, будь молчалива, будь наблюдателем... Оставь мою руку! (Он неожиданно выдергивает руку и засовывает ее под одеяло)... Будь здесь, Четана. Просто будь здесь. Да, со своими слезами. Я суровый, но что я могу сделать? Я должен быть суровым с тобой. Просто будь без ревности... Девагит! (Да, Ошо?) Четана меня слишком изводит... Неужели ты не можешь просто быть - это все мое учение - просто БЫТЬ (грозя мне пальцем!)... Четана, твое дело просто быть... Где Четана? Просто держи мою руку, иначе ты потеряешься. Я иногда говорю тяжелые вещи, которые я обычно не говорю. Не воспринимай это как оскорбление, просто медитируй над этим...

Четана, ты можешь идти и делать свою работу, если хочешь. Любое извинение хорошо для несознательности... Я слышу рыдания, и дверь открывается и закрывается... Я хочу, чтобы ты была здесь раз и навсегда. Но не спрашивай снова и снова. Будь в тишине и будь здесь... Я жесток, я не забочусь о последствиях... Если ты спросишь снова, Четана... Нет! Четана плачет, но плач не поможет. Вы видите мои слезы о Четане? Ты просишь, чтобы тебя хотели - это ты должна отбросить... Какая драма на маленькой сцене, где никто, кроме меня, не осознает... Смех в пустом театре... Понимать женщин очень трудно... Какая трудная задача быть мастером...

Сделай заметку, Анандо, что Четана все еще хочет, а она имеет все, что я могу дать... Затем он начинает искать пуговицу на одежде Анандо, говоря: Поиск пуговицы... Что случилось с твоей пуговицей? Пометь, что я хотел найти пуговицу, но не смог. Она должна

быть там. Ты прячешься... Четана, я могу слышать твой ум. Вечная потребность быть нужным. Я хочу, чтобы каждый был здесь из любви, а не из потребности... "

Такие сессии длились часами, в то время как его зубы подвергались лечению, может быть это продолжалось неделями. В это время я не спала хорошо, потому что частью программы Ошо было то, что он немного ел каждые два часа всю ночь. Он звал меня, я приносила ему еду, была там, пока он ел ее, и потом относила тарелки обратно в кухню. К тому времени, когда я возвращалась в кровать и спала около часа, подходило время для следующей еды. В течение десяти недель я никогда не спала больше, чем два часа за раз. Я думаю что это то, что известно как фаза тревожного сна. Необходимость видеть сны, видимо, была такой сильной, что у меня были сновидения даже до того, как я засыпала. Я слышала, как Ошо говорил, что если человек спит восемь часов, то шесть часов он видит сны. Меня изумляло, в каком беспорядке мое бессознательное. Дни, месяцы могли проходить, и жизнь казалась простой, и все было прекрасно, и потом неожиданно у меня была возможность увидеть, что происходит ночью, и я осознавала, что мой ум совершенно сумасшедший! Обычно человек не осознает свои сны, но если его постоянно будить в середине сна, тогда он может видеть их, и это просто забавный беспорядок освобождения и сбрасывания бессознательного. Когда весь этот процесс взбаламучивался, я становилась более хрупкой. Я была "обидчивой", если не сказать больше. Оглядываясь назад, кажется невозможным, что меня так легко было зацепить, но Ошо очень хорошо знал наши кнопки и когда нажать их. Это кажется невозможным, что как это ни печально, я не могла понять, что он пытался сделать.

Мое эго, мой ум и то, как он работал, это было так прозрачно, так видно там - почему же я не могла увидеть это?

Я была в гневе, я плакала и была в беспокойстве, я спрашивала Ошо, почему он кричит на меня. Он отвечал, что он говорит мне, чтобы я сидела тихо и была свидетелем себя и того, что происходит вокруг, а для меня этого было недостаточно. Для меня было недостаточно просто сидеть молча. Он говорил, что кричит не на меня, а на мое бессознательное. Неужели я не могу увидеть, что это моя обусловленность, мой ум управляет мной? Он говорил, что я сравниваю себя с Анандо, думая, что она в лучшем положении, чем я. Он сказал, что Анандо просто делает свою работу, а я должна делать свою. Но моя обусловленность говорит, что она получает больше. "Неужели ты не видишь?" - спрашивал он.

Он продолжал говорить, что он думает, что именно поэтому Будда никогда не давал инициации женщинам. С женщинами обращались как с удобной вещью, и они поддерживали это. Женщины хотели, чтобы в них нуждались, и думали, что если в них не будут нуждаться, тогда кто-нибудь другой займет их место, и они будут бесполезны. Он говорил, что обусловленности желания быть нужной так велики, такие глубокие, что невозможно увидеть это самой. Кто-то должен показать это тебе. Стараться быть нужной, это значит быть без достоинства. "Это унижение. Стой одна". Он говорил: "Будь достаточна для себя самой". Пока продолжался этот разговор, Ошо закончил свой ужин. Анандо и я сидели на полу, а Ошо сидел за своим обеденным столом. Я взглянула на него и увидела, какой он усталый, какую безнадежную неблагодарную задачу он выполняет. Он пытается помочь мне проснуться, а у меня гнев на него. Я посмотрела на него, на плечи, слегка согнутые утомлением, что он получает, пытаясь помочь мне? Ничего! Он выглядел древним - древний видящий с невозможной миссией. Его сострадание было бесконечным, его терпение и любовь были обширны как небо. Я заплакала и коснулась его ног.

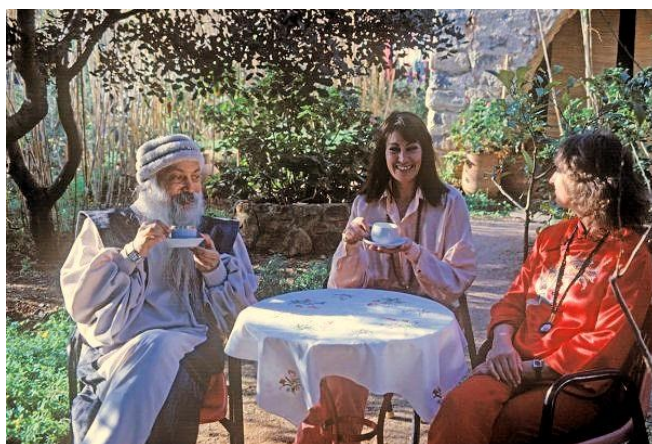

Книга Ма Прем Шуньо вся пронизана любовью, любовью к своему Мастеру - Ошо. Очень часто, когда люди читают о тех или иных религиозных учениях или так называемых учениях Нового Века (New Age), они интеллектуально оценивают «плюсы» и «минусы» данного учения и искренне считают, что они поняли его и находятся так сказать «над». Однако те люди, которым посчастливилось оказаться частью соответствующего учения, просто «влюбляются» и тогда становятся его частью.

Ма Прем Шуньо (Ma Prem Shunyo) - ученица просветленного Мастера Ошо с 1974 года, была с ним до 1990 года, когда Ошо покинул тело. Она написала книгу «Алмазные дни с Ошо». Книга Ма Прем Шуньо пронизана любовью к своему Мастеру. «Алмазные дни с Ошо» переведены на 14 языков.

С 1995 года Шуньо проводит медитационные группы по всей Европе, Японии, Индии, Австралии и Америке.

«Голос внутри меня кричит: «Я здесь, я здесь», - но я поражена немотой. А потом, глаза. Когда Мастер смотрит в глаза ученика, и Он смотрит, смотрит... Он видит всю историю, все – прошлое, настоящее, будущее. Ученик прозрачен для Мастера, и он видит нереализовавшегося Будду. Я могла только сидеть и позволить Ему войти, потому что это единственный путь найти бриллиант. Есть страх, что Он может увидеть что-то в подсознании, что я предпочла бы скрыть, но Он смотрит на меня с такой любовью, что я могу только сказать «да». Иногда такой взгляд может не оставить никаких следов в памяти – просто экстатическое чувство, стремительное течение радостной энергии, как будто прорвалась плотина. Эта была моя первая встреча с Мистиком, Ошо.»

«Алмазные дни с Ошо»